

Научная статья

УДК 82

doi: 10.17223/19986645/98/11

Исследование баланса между правдой и вымыслом в исторической прозе: анализ трилогии Хилари Мантел

Райхон Шавкатовна Назарова¹

¹ *Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Узбекистан,
ray11_91@mail.ru*

Аннотация. Проанализирована проблема соотношения факта и вымысла в исторической прозе на примере трилогии Хилари Мантел. Методы включали анализ точек зрения исследователей по данной теме и критический обзор актуальных трудов в области исторической прозы. Установлено, что исторический роман представляет собой сложное сочетание факта и вымысла, где автор стремится к отражению исторической правды, одновременно вводя элементы художественной интерпретации.

Ключевые слова: правда, вымысел, историческая проза, эпоха Тюдоров, интерпретация, биографические факты, трилогия

Для цитирования: Назарова Р.Ш. Исследование баланса между правдой и вымыслом в исторической прозе: анализ трилогии Хилари Мантел // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 98. С. 197–209. doi: 10.17223/19986645/98/11

Original article

doi: 10.17223/19986645/98/11

Exploring the balance of truth and fiction in historical prose: A study of Hilary Mantel's trilogy

Raykhon Sh. Nazarova¹

¹ *Uzbekistan State World Languages University, Tashkent, Uzbekistan,
ray11_91@mail.ru*

Abstract. The following article delves into the intricate exploration of the delicate balance between fact and fiction within Hilary Mantel's acclaimed historical trilogy centered around the enigmatic figure of Thomas Cromwell. The research aims to elucidate the profound impact of artistic creativity in conveying the essence of historical truths through the medium of literature. Employing a multifaceted approach, the study involves a meticulous analysis of diverse scholarly perspectives on this thematic paradigm, juxtaposed with a critical appraisal of contemporary works within the realm of historical fiction. The investigation reveals the historical novel as a nuanced amalgamation of historical actuality and imaginative storytelling, where the author's endeavor to encapsulate historical truths is complemented by the infusion of artistic interpretation and subjective elements. Emphasizing the significance of maintaining a

harmonious equilibrium between historical accuracy and creative vision in the realm of historical fiction, the study underscores this balance as a pivotal aspect in the evolution of this literary genre. The scholarly inquiry has provided invaluable insights into the intricate interplay between historical realities and narrative fiction across the broader landscape of literary artistry. Moreover, the article posits that while Mantel's narratives strongly adhere to historical authenticity, they avoid claims to absolute objectivity, ushering readers into a realm where pivotal historical events – from Henry VIII's tumultuous rift with the Catholic Church to the political intrigues culminating in Cromwell's tragic demise – are reimagined through the lens of the protagonist's consciousness. Mantel's distinctive narrative approach steers clear of the romanticized portrayals akin to the traditions set by literary luminaries like Walter Scott, opting instead for a nuanced reconstruction of characters grounded in meticulous biographical research, offering a subjective interpretation of historical events interwoven with Thomas Cromwell's psychological landscape. Ultimately, the enduring legacy of Mantel's historical fiction transcends mere historical revivalism; it serves as a conduit for exploring the profound cultural transformations catalyzed by historical figures, thus breathing fresh vitality into the narratives of existence and illuminating the nuanced intersections of history, imagination, and human experience within the tapestry of literature.

Keywords: truth, fiction, historical prose, Tudor era, interpretation, biographical facts, trilogy

For citation: Nazarova, R.Sh. (2025) Exploring the balance of truth and fiction in historical prose: A study of Hilary Mantel's trilogy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 98. pp. 197–209. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/98/11

Анализ соотношения факта и художественного вымысла в исторической прозе является одним из ключевых аспектов в академических дискуссиях. Стремление к достоверности исторических событий в значительной степени может представлять собой бесплодные усилия – можно вымышлять сюжет в процессе творчества, игнорируя обязательность достижения истинности. Тем не менее разумно предполагать, что историческая художественная литература должна отражать тщательное исследование и верное представление фактов. В обход абстрактных постмодернистских дискуссий о релятивности исторических фактов, их субъективности и зависимости от индивидуального восприятия, можно утверждать, что существуют базовые исторические истины, признанные подавляющим большинством историков и исследователей. Следовательно, когда писатель допускает серию неточностей, критика, направленная в его сторону, может быть строгой и беспощадной.

Исследование взаимодействия факта и вымысла в исторических романах берет своё начало из ранних критических оценок данного жанра, особенно в анализе немецкого историка Леопольда фон Ранке. Ранке критически отнёсся к историческому роману с момента его зарождения («Уэверли» В. Скотта, 1814 г.), утверждая, что история должна быть строгой наукой, лишённой художественных украшений, которые, по его мнению, являются областью вымысла [1. С. 179]. Многие критики XIX в. поддержали точку зрения Ранке. Например, Х.М. Эредиа утверждал, что история превосходит

вымысел, рассматривая последний как деградацию исторической правды. Точно так же А. Мандзони выражал опасения относительно смешения истории и вымысла, предполагая, что это может привести к обману [2]. Со временем взгляды эволюционировали. В отличие от этих ранних критиков, современные историки, такие как Р. Слоткин, утверждают, что исторические романы могут точно воссоздавать прошлое через тщательное исследование и интерпретацию, предполагая, что они могут предложить более правдоподобное представление истории, чем традиционные исторические тексты [3. С. 225].

Р. Барт и М. Фуко впервые обратили внимание на активную роль читателя, который независим от автора в процессе интерпретации и поиска смысла. Они подчеркнули подвижность текста и бесконечность его толкований. Исследуя вопрос «смерти автора» в контексте возможной «смерти субъекта», Р. Барт и М. Фуко расширили рамки анализа текста и литературного письма. Переосмыслив классическое представление об авторе и субъекте, Фуко и Барт лишили их определённости, самодостаточности и стабильности, превращая субъект в зависимого от языковой и знаковой реальности, где ничто не существует вне текста. Они свели автора и субъект к функциональной роли, где субъект становится функцией движения дискурсов, растворяется в них и исчезает. «Смерть автора» (1967 г.) Барта ставит под сомнение традиционные представления об авторстве и предполагает, что смысл текста создаётся не автором, а читателем [4. С. 9]. Следовательно, это может быть применимо к историческим романам, где смешение фактов и вымысла может рассматриваться как способ вовлечения читателей в интерпретацию истории. Кроме того, в «Мифологии» – ещё одном фундаментальном научном труде, Барт анализирует, как культурные мифы и нарративы формируют наше восприятие реальности. Он показывает, что то, что мы воспринимаем как правду, часто является результатом сложной системы знаков и символов, которые могут исказить действительность [5. С. 193–194]. Из этого следует, что различие между правдой и вымыслом не всегда однозначно, и оба эти понятия могут быть пересмотрены в контексте того, как мы воспринимаем и интерпретируем информацию.

В контексте активных дебатов историков, философов и литературных критиков о возможности всестороннего познания прошлого и существования объективной исторической картины мира возникла новая форма исторического романа – историографический метароман, который базируется на упомянутых принципах и признании отсутствия непрерываемой исторической версии событий (М. Брэдли «Историческая личность» (The History Man, 1975); Дж. Барнс «История мира в 10½ главах» (A History of the World in 10½ Chapters, 1989); П. Акرويد «Хоксмур», «Дом доктора Ди» (Hawksmoor, 1985; The House of Doctor Dee, 1993); А.С. Байетт «Обладать» (Possession: A Romance, 1990); Г. Свифт «Водоземье» (Waterland, 1983) и др.). Впервые данный термин вводит канадская исследовательница Линда Хатчеон в 1988 г., поясняя, что «историографический – дословно “пишет историю”», метароман – текст комментирует свой вымышленный статус, подчёркивает сделанность произведения, обнажает “текстуальность текста» [6. С. 9].

Историографический метароман предполагает активное участие читателя в процессе, где он становится свидетелем исследования и сбора автором исторических материалов по определенному прошлому событию. Такой подход к роману иллюстрирует современные методы интерпретации исторического процесса, особо акцентируя внимание на проблематике относительности истины, взаимодействии факта и вымысла в художественной репрезентации минувших событий. Тем самым он провоцирует дискуссию об отсутствии абсолютной истины, подчёркивая, что историческая достоверность может быть представлена и переосмыслена по-разному.

Как отмечает Дж. де Грут, продолжая мысль Л. Хатчеон, в историческом романе происходит интеграция концепции неопределённости, вопросы точности исторического знания становятся предметом критического осмысления. Исследователь подчёркивает, что неопределённость и нарративное самосознание в постмодернистских историографических романах намеренно акцентируют внимание на относительности миметической точности традиционного реалистического повествования и вызывает сомнения по отношению к любым попыткам представить утверждаемый образ мира как достоверный образ мира и его прошлого [7. Р. 120].

Во второй части своего труда «Исторический роман» (Jerome de Groot, *The Historical Novel*, 2010 г.) исследователь обращается к вопросам генезиса исторического жанра, ссылаясь на рассуждения итальянского писателя А. Мандзони (речь идёт об очерке «Об историческом романе», 1884 г.), где подчёркивается нестабильность жанровой формы исторического романа, так как жанр подвластен переменам времени, тем самым прогнозируя вероятные направления эволюции жанра. Мандзони был категоричен в своих высказываниях о том, что современные исторические романы фальшивы с точки зрения подачи исторических фактов [7. Р. 31]. После прочтения «Исторического романа» де Грута можно прийти к выводу, что независимо от различных интерпретаций лингвистических и образных концепций мира, зашифрованных в уникальном историографическом изображении, ключевая особенность романа – его эпическая основа – воплощается в его готовности эволюционировать и адаптироваться в соответствии с изменениями в жизни и возрастающей сложностью рассуждений о ней.

На Хэйском литературном фестивале (Хэйский фестиваль литературы и искусства представляет собой ежегодное культурное событие, проводимое в маленьком городке Хэй-он-Уай в течение десяти дней с мая по июнь. Все национальные радиоканалы BBC, за исключением Radio One, участвовали в трансляции фестиваля, а с 2010-х по 2013 г. основные моменты фестиваля транслировались на Sky Arts, перед тем как основное вещание было возобновлено на BBC в 2014 г.), историк Джон Гай выразил свою обеспокоенность по поводу неточностей в исторических романах. Многие произведения самых известных и талантливых писателей исторической прозы, таких как Хилари Мантел, в настоящее время рассматриваются студентами как учебные пособия по истории. Идея Мантел о Томасе Море, представленная в первой части трилогии «Вулфхолл» (2009 г.), как о мизогинисте и злодее,

по мнению Гайя, ошибочна, ибо писательница, вероятно, опиралась на предвзятые, но широко принятые исторические записи о Т. Море с целью создания захватывающего романа об интригах английского государства в XVI в. Согласно Дж. Гайю, в исторических романах Мантел присутствуют и другие фактические неточности, но, по его мнению, это не должно вызывать беспокойство [8]. Однако его опасения заключаются во влиянии качества художественной литературы на восприятие читателями и студентами этого текста как точного и достоверного описания исторических событий. Следовательно, можно прийти к выводу, что писатели исторической прозы играют ключевую роль в формировании коллективной памяти о личностях и событиях прошлого.

В рамках Рэйтских лекций, транслируемых на радиостанции BBC Radio 4 в июле 2017 г., Хилари Мантел высказала свою точку зрения на критику, высказанную Джоном Гайем. Она отметила, что факты не освещают истину, а лишь представляют то, что сохранилось в архивах [9]. Интерпретация этих записей или их возможное неверное понимание лежат на плечах читателей. Писатель исторической прозы не противопоставляется историку-академику; оба должны применять творческий подход, особенно сталкиваясь с пробелами в архивах – выбор, упущение, искусное расположение – все это необходимо для цельного повествования. Мантел утверждала, что истину истории нельзя полностью обнаружить в «коронациях, конклавах кардиналов, пышных процессиях» [9], но писатели должны обращать внимание на «вздохи женщин» или «руку, поднимающую занавеску кровати» [9], на существенные аспекты человеческой жизни, которых не найти в официальных архивах. Писательница Аманда Форман поддерживала взгляды Мантел, отмечая, что «только дураки и педанты могут возражать против художественной свободы» [9]. Если точность действительно является единственным критерием, который имеет значение, нам пришлось бы отказаться от множества любимых классических произведений, от «Илиады» Гомера до «Войны и мира» Льва Толстого [10].

Несмотря на эти обоснованные аргументы, важно, чтобы писатели не вводили в заблуждение своих читателей ошибочными фактами. Большинство рецензентов подчёркивают, что анахронизмы и ошибки в исторической прозе являются раздражающими и могут нарушить связь между автором и читателем. По мнению большинства критиков, мелкие исторические факты могут быть изменены по мере необходимости, чтобы соответствовать сюжету, при условии, что такие изменения были признаны автором в примечаниях или другой форме послесловия в конце текста и что они не являются ключевыми элементами исторического повествования.

В сфере исторической художественной литературы возникает значительная проблема: интерпретация довольно надёжных источников часто остаётся субъективной и предположительной для различных экспертов-писателей. То, что один автор считает установленным историческим фактом, благодаря его знанию материала может быть рассмотрено другим историком

как произвольное утверждение. Некоторые писатели добавляют библиографию к своим произведениям для того, чтобы продемонстрировать использование исторических источников, особенно если их труды вызывают споры.

Автор исторической художественной литературы Элизабет Чедвик подняла волну споров, подчеркнув важность сохранения исторической целостности в сюжете произведений. Она отметила, что сюжет должен тесно связываться с историческими фактами несмотря на то, что под «точностью» могут пониматься различные значения. Ни один автор не способен идеально воспроизвести историческую действительность, однако важно стремиться к тщательной подготовке и использованию доступной информации. Одним из ключевых аспектов писательского искусства в исторической художественной литературе является способность сформировать увлекательное повествование, сохраняя при этом достоверность исторических фактов и деталей. Элизабет Чедвик подчёркивает важность работы с фактами, их уважения и сохранения в тексте, даже при необходимости адаптации для сюжетных целей [11].

В наши дни, как отмечает российская исследовательница Ю.С. Райнеке, наблюдаются две основные тенденции развития исторического романа: если одни писатели изображают факты и явления прошлого, подчёркивая то, что интерпретация событий истории должна быть основана на исторических свидетельствах, то другие авторы придерживаются того, что имеет место быть нескольким интерпретациям исторических событий, следовательно, такие художественные произведения не могут претендовать на историческую достоверность [6. С. 9].

Российские исследовательницы Ф.Б. Бешукова и Б.М. Жачемукова поднимают вопрос об отсутствии общепринятого представления о жанровой структуре исторического романа, аргументируя это тем, что словосочетание «исторический роман» всё ещё не получило чёткого описания в теоретическом аспекте. Следовательно, по мнению вышеупомянутых исследовательниц, нельзя считать данное словосочетание термином. Ф.Б. Бешукова и Б.М. Жачемукова дали следующее определение исторического романа: «это художественное произведение, темой которого является историческое прошлое (одни исследователи предлагают временной интервал, начинающийся не ранее чем за 75 лет до момента создания текста (эквивалентно трём поколениям), другие же обращаются к роману В. Скотта «Уэверли, или Шестьдесят лет назад», который, по их мнению, закрепил каноническую рамку в 60 лет) [12. С. 4].

Художественной целью и задачей писателя, по мнению вышеупомянутых исследовательниц, является воспроизведение и анализ важнейших характеристик известной личности, показ взаимосвязи личности и эпохи. То есть в историческом романе должны сочетаться исторический, социальный и гуманистический подходы: «Доля вымысла в данном инварианте романа не должна быть преобладающей, особенно в интерпретации исторических событий, предметного мира, характерных, установленных документально

черт личности и портрета исторических персонажей: писатель, в пределах художественной необходимости и идеи произведения, несомненно, имеет право на вымысел, фантазию, использование художественных приёмов, при этом не допуская искажения исторической действительности» [12. С. 2].

В ходе развития исторического жанра становится очевидным, что дискуссия о балансе между фактом и вымыслом, документальным и художественным, прошлым и настоящим, о воздействии выдумки на историческую основу, о целесообразности креативной трактовки истории через литературные персонажи остаётся актуальной и в настоящее время. Проведя анализ различных точек зрения исследователей, можно заключить, что исторический роман, несомненно, стремится к отражению исторической правды, хотя он включает элементы художественного вымысла и возможность субъективной интерпретации. Современные исследования подчёркивают важность достижения баланса между достоверностью и художественным вымыслом в историческом романе, который, как жанр, обладает своими уникальными правилами и функциями в литературе. Понимание того, что исторический роман представляет собой результат творческого воображения автора, приводит к пониманию невозможности полного отражения исторической правды в художественной форме.

Соотношение исторической достоверности и художественного вымысла в трилогии Хилари Мантел о Томасе Кромвелле

Творчество Хилари Мантел, отмеченное оригинальным стилем и глубиной исследуемых тем, привлекло внимание многих видных учёных, литературоведов и критиков всего мира. Среди них следует отметить британского писателя К.Дж. Сэнсома, автора цикла книг о «Мэтью Шардлэйке» (2003–2018 гг.), высоко оценившего способность Мантел воссоздать атмосферу эпохи Тюдоров и проникнуть в психологию исторических персонажей. Известный литературный критик Джеймс Вуд в своей рецензии [13] на роман «Вулфхолл» отметил мастерство Мантел в области создания убедительных и многогранных персонажей, а также её способность сочетать историческую достоверность с художественным вымыслом. Однако почти все знатоки сходятся в том, что творчество Мантел и новаторский характер её романов расширяют границы жанра исторического романа и открывают новые возможности для осмысления прошлого.

В исторической прозе Хилари Мантел наблюдается тенденция «сюжетивания» [14. С. 82] истории, когда обширный объём английской истории с её ключевыми и судьбоносными моментами становится частью индивидуальной истории, воссоздаваемой в сознании главного героя, оцениваемой и пронизанной его мыслями. Б.М. Проскурнин утверждает, что прошлое, настоящее и будущее сливаются воедино как субстанция единой внутренней жизни героя. В первых двух частях трилогии присутствует так называемый плюсквамперфект истории, когда прошлое активно влияет на формирование настоящего: именно на этом основана вся концепция образа Томаса

Кромвеля. По мнению Проскурнина, это приводит нас к ещё одному важному аспекту работы с историей как неотъемлемой части современного художественного историзма – субъективизации истории. В этих романах субъектом (и объектом одновременно) является Томас Кромвель, который представляет не только и не столько политическую историю, сколько культурные трансформации, пережитые Англией XVI в.

Отличительной чертой исторической прозы Хилари Мантел является её своеобразное переплетение истории с памятью; её попытки воспроизвести не историческую хронологию, но то, как работает память – скачками, петлями и вспышками. Таким образом, автор формирует мета нарратив, текст, который словно разговаривает сам с собой о том, как конструируются исторические нарративы и о политической власти тех, кто их формирует. Те, кто контролируют национальную память, способны «сказать, что есть Англия, её масштабы и границы» [15. Р. 338]. Именно поэтому воспоминания перерабатываются в удобные национальные сказания, которые рационализируют существующие структуры.

Хилари Мантел возродила исторический роман – жанр, который, как заявляет Джеймс Вуд в своей хвалебной рецензии на творчество Мантел, не отличается особой изобретательностью и не изобилует великими произведениями [13]. Можно считать, что дурная слава исторического романа как преувеличена, так и не заслужена. Но даже если успех исторической прозы Мантел совпал с повышением общего критического интереса к жанру, можно утверждать, что его наиболее долговечное достижение будет ощущаться не столько на уровне жанра – форму и возможности которого он не слишком расширяет или искажает, сколько на уровне характера.

Несмотря на глубокую саморефлексию трилогия одновременно и ностальгирует, но и разоблачает гегемонистские нарративы, которые традиционно монополизировали историческую «правду». Кроме того, что особенно важно, эта правда не ставит под сомнение саму возможность познания прошлого. Мантел, похоже, вполне удовлетворена изучением имеющихся исторических свидетельств и использует своё мастерство, чтобы заполнить пробелы и разрешить противоречия своих источников. Этот последний аспект, по мнению некоторых критиков, приближает трилогию к неисторической фикции, хотя, возможно, лучше дать слово самому автору, процитировав небольшой метафорический отрывок из «Зеркало и свет» (2020 г.), в котором рассказчик, упоминая о первой встрече Генриха VIII со своей дочерью Марией после того, как та наконец-то подписала своё подчинение власти отца, размышляет о прелести исторической фикции: «*When the chronicles of the reign are composed, by our grandchildren or by those in another country, [...] they will reimagine the meeting between the king and his daughter – the orations they made each other, the mutual courtesies, the promises, the blessings. They will not have witnessed, they could not record, the Lady Mary's wobbling curtsy, or how the king's face flushes and sweeps her up; her sniffing and his sob, his broken endearments and the hot tears that spring from his eyes*» [16. Р. 154].

(Здесь и далее перевод с англ. Е.М. Доброхотовой-Майковой, М.В. Клевентенко: «Когда хроники нынешнего правления будут написаны нашими внуками или чужеземцами <...> они придумают заново встречу короля и его дочери – речи, которыми они друг друга приветствовали, взаимные поклоны, обещания, благословения. Они не увидят, не запишут, как леди Мария, чуть не падая с ног, склонилась в поклоне и как король вспыхнул, пересёк комнату и прижал её к груди. Её сопение и хныканье, когда она обнимала белую с золотом ткань его джеркина, его всхлипывания, несмелые ласки и слезы, брызнувшие из глаз» [17. С. 183].) Таким образом, Мантел признает субъективность исторического нарратива и роль воображения в воссоздании прошлого, не отказываясь при этом от стремления к исторической достоверности.

Исторические документы свидетельствуют о том, что Кромвель был невысокого мнения о духовенстве [18], поэтому Мантел использует беседу между Кромвелем и королём, чтобы подчеркнуть это отношение. Когда Генрих позволяет Кромвелю высказаться о его отвращении к тем, кто ведёт религиозную жизнь [15. Р. 218–219], тирада Кромвеля против продажности религиозных включает в себя его защиту бедняков и их детей: «*I have seen monks who live like great lords, on the offerings of poor people who would rather buy a blessing than buy bread, and that is not Christian conduct... The monks take in children and use them as servants, they don't even teach them dog Latin*» [15. Р. 219]. («Я видел монахов, живущих как знатные лорды, на жалкие гроши бедняков, покупающих благословение вместо хлеба; это недостойно христианина... Монахи берут детей и приставляют к черной работе, не удосуживаясь обучить простейшей латыни» [19. С. 252].)

Мантел изображает священников в «Вулфхолле» манипуляторами, угнетателями и оппортунистами в эпизоде с Элизабет Бартон, пророчицей, известной как Дева из Кента. Бартон, предсказавшая кончину Генриха, заточена в Тауэре, а священники, которые донесли о ней аристократии, подвергаются допросам. Кромвель говорит епископу Фишеру, что если бы Бартон предсказала восшествие Анны на престол, Фишер назвал бы её ведьмой [15. Р. 543]. Кромвель фактически критикует полемику католической церкви и то, как её стремление к господству преобладает над интересами её паствы.

Х. Мантел мастерски сплетает исторические детали с художественным вымыслом, чтобы создать захватывающий портрет Англии времён Тюдоров, где интриги и предательства – обычное дело. Призрак кардинала Уолси, преследующий Кромвеля, служит постоянным напоминанием о несправедливости прошлого и подпитывает жажду мести Кромвеля. Использование Мантел таких художественных приёмов, как экфрасис – детальное описание произведения искусства, например гобелена с изображением Соломона и царицы Савской, обогащает повествование дополнительными смысловыми слоями и подчёркивает нестабильность восприятия и хрупкость репутации в мире власти. Отношение Кромвеля к духовенству, пропитанное презрением, раскрывается как через его собственные размышления, так и через диалоги с другими персонажами, такими как король Генрих VIII. Критика

лицемерия и коррупции церкви поднимает вопросы о вневременной природе злоупотребления властью и о том, насколько далеко люди готовы зайти в погоне за своими амбициями.

Следует отметить, что инновационный нарративный подход трилогии Мантел «Вулфхолл» / «Волчий зал» (2009 г.), «Введите обвиняемых» / «Внесите тела» (2012 г.) и «Зеркало и свет» (2020 г.) в значительной степени основан на передаче мыслей через несобственно-прямую речь. Важно подчеркнуть, что каждый из трёх романов Хилари Мантел предваряется детальной таблицей действующих лиц. Данный структурный элемент указывает на доминирование исторических персонажей, выстраивая сложную сеть родственных и политических связей. Более того, помимо несобственно-прямой речи, биографические сведения органично вплетаются в повествовательную ткань посредством диалогов, что свидетельствует о стремлении автора к фактологической точности.

Приёмы речевой категории сочетаются с настоящим временем и носят преимущественно наблюдательный характер: Кромвель наблюдает за другими, наблюдает за разворачивающимися событиями, и повествовательный метод эффектно драматизирует его внутренний комментарий. Данный приём создаёт у читателя ощущение одновременного пребывания в двух временных плоскостях – прошлом и настоящем. Это Кромвель в режиме *«intelligentia»* [20. Р. 35–36], благоразумно оценивающий текущие ситуации. Для того чтобы передать эмпатическое ощущение присутствия при сотворении истории, иногда происходят переходы к местоимению первого лица множественного числа, а также используется сослагательное наклонение. Это наклонение, обозначаемое союзом «если» в начале предложения, сигнализирует об условности или предположении: наряду с будущим временем оно подчёркивает его незнание. Примером этого служит момент, когда Кромвель и Кавендиш пытаются устроить обречённого Уолси в Ишере: *«If we can get partridges we can slice the breasts, and braise them at the table. Whatever we can do that way, we will: and so, if we can help it, my lord won't be poisoned»* [15. Р. 64]. («О, погодите! Не сможем ли мы достать куропаток? Если будут куропатки, их можно разделать, и грудки обжарить прямо за столом. Нужно, чтобы все готовили под нашим присмотром; и тогда, если мы постараемся, милорда кардинала не отравят» [19. С. 91].)

Важно подчеркнуть, что собственные чувства Кромвеля в основном неоднозначны, потому что, несмотря на его цель направлять последующие повествования, он не может знать будущего. Настоящее время создаёт ощущение проживаемой жизни и событий, сплетающихся по мере их возникновения, что наводит на две мысли: неизбежную субъективность мемуаров и невозможность перевода индивидуального опыта в аутентичную литературную форму. В жизни, как она есть, отсутствует ироничная перспектива читателя, который заранее знает судьбы персонажей. Следовательно, эти повествовательные приёмы создают театральное ощущение истории, поставленной так, чтобы представить определенные точки зрения в выгодном свете. В этом суть претензии Кромвеля к Мору: *«...and what I hate most of all*

is that Master More sits in the audience and sniggers when I trip over my lines, for he has written all the parts. And written them these many years» [15. P. 563]. («А больше всего меня бесит, что сэр Томас Мор сидит в зрительном зале и злорадно посмеивается, когда я сбиваюсь и путаю слова, потому что он сам написал роли.» [19. С. 620].) В первой части трилогии, которая пересматривает представление об этой фигуре, театральная метафора Кромвеля сигнализирует о нарративном признании исторической предвзятости.

Таким образом, несмотря на приверженность историческим реалиям, романы Хилари Мантел не претендуют на абсолютную объективность. Ключевые события, такие как разрыв Генриха VIII с католической церковью, его разводы и браки, казни Анны Болейн и Томаса Мора, а также падение самого Кромвеля, преломляются сквозь призму восприятия главного героя. Другими словами, читатель в основном находится в сознании Кромвеля, но, хотя он и является одним из действующих лиц, роман не сосредоточен исключительно на нем или его психологическом состоянии. Следовательно, происходит не романтизация личности по образцу Вальтера Скотта, а её реконструкция на основе анализа биографических фактов. Иными словами, перед нами не просто ожившая история, но субъективный взгляд на неё, обусловленный внутренним миром Томаса Кромвеля. Можно утверждать, что его образ уникален и интересен именно потому, что Хилари Мантел исследует не только историю, но и культурные изменения, внесённые исторической личностью, оживляющей новые формы и содержание жизни. Характер Т. Кромвеля и способ создания образа дают подтверждение тому, что романы Хилари Мантел демонстрируют сочетание основных доминант современного английского романа: рефлексивной и психоаналитической (самопознание и анализ) и исторической, что помещает Хилари Мантел как исторического романиста в широкий контекст английской национальной литературы.

Список источников

1. Юсим М.А. Идея истории и формула Л. Фон Ранке // Лит. Исторический альманах. 2015. № 7. С. 172–185. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ideya-istorii-i-formula-l-fon-ranke> (дата обращения: 16.12.2024).
2. Carroll R. The Trouble with History and Fiction // M/C Journal. 2011. № 14 (3). doi: 10.5204/mcj.372
3. Slotkin R. Fiction for the Purposes of History // Rethinking History. 2005. № 9. P. 221–236.
4. Береснева Н.И., Кокарева Е.А. Эволюция идеи «Смерть автора» // Филологические заметки. 2012. С. 3–10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-idei-smert-avtora> (дата обращения: 18.12.2024).
5. Понизовкина И.Ф. Семиолог Р. Барт и социальный миф: современное прочтение // Вестник РЭА им. Г.В. Плеханова. 2017. № 5 (95). С. 190–197. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semiolog-r-bart-i-sotsialnyu-mif-sovremennoe-prochtenie> (дата обращения: 18.12.2024).
6. Райнке Ю.С. Исторический роман постмодернизма и традиции жанра (Великобритания, Германия, Австрия) : дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. 211 с.

7. De Groot J. *The Historical Novel. The new critical Idiom*. London : Routledge, 2010. 208 p.
8. Brown M. URL: <https://www.theguardian.com/books/2017/may/31/students-take-hilary-mantels-tudor-novels-as-fact-hay-festival> (дата обращения: 15.11.2024).
9. The Reith Lectures. URL: <https://www.bbc.co.uk/sounds/brand/b08vkm52> (дата обращения: 17.10.2024).
10. Foreman A. URL: <https://www.afr.com/life-and-luxury/arts-and-culture/historical-fiction-dont-sneer-for-some-people-its-keeping-the-past-alive-20170605-gwkkwk> (дата обращения: 16.11.2024).
11. Chadwick E. Living the History blog. URL: <http://elizabethchadwick.com/blog/beyond-the-dressing-up-box-how-i-write-historical-fiction/> (дата обращения: 16.11.2024).
12. Жачемукова Б.М., Бешукова Ф.Б. Художественная специфика жанра исторического романа // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. 2011. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennaya-spetsifika-zhanra-istoricheskogo-romana> (дата обращения: 15.06.2024).
13. Wood J. Invitation to a Beheading: The Thomas Cromwell Novels of Hilary Mantel // New Yorker. 2012. URL: <https://secondat.blogspot.com/2012/05/> (дата обращения: 15.11.2024).
14. Проскурнин Б.М. Историческая диалогия Хилари Мантел и «Память жанра» // Филологический класс. 2016. № 2 (44). С. 77–83.
15. Mantel H. *Wolf Hall*. London : Fourth Estate, 2019. 653 p.
16. Mantel H. *The Mirror and the Light*. The 4th Estate. London, 2020. 904 p.
17. Мантел Х. *Зеркало и свет*. М. : Иностранка, 2021. 928 с.
18. Смирнова Н.А. Большая российская энциклопедия 2004–2017. URL: https://old.bigenc.ru/world_history/text/4595326 (дата обращения: 20.11.2024).
19. Мантел Х. *Вулфхолл*. СПб. : Иностранка, 2021. 733 с.
20. Yates F. *The Art of Memory*. London : Random House, 1992. 437 p.

References

1. Yusim, M.A. (2015) Idea istorii i formula L. Fon Ranke [The idea of history and L. von Ranke's Formula]. *LiT. Istoricheskij al'manakh*. 7. pp. 172–185. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/ideya-istorii-i-formula-l-fon-ranke> (Accessed: 16.12.2024).
2. Carroll, R. (2011) The trouble with history and fiction. *M/C Journal*. 14 (3). doi: 10.5204/mcj.372
3. Slotkin, R. (2005) Fiction for the purposes of history. *Rethinking History*. 9. pp. 221–236.
4. Beresneva, N.I. & Kokareva, E.A. (2012) Evolutsia idei "Smert' avtora" [Evolution of the idea of "Death of the Author"]. *Filologicheskie zametki*. pp. 3–10. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-idei-smert-avtora> (Accessed: 18.12.2024).
5. Ponzovkina, I.F. (2017) Semiolog R. Bart i sotsial'nyy mif: sovremennoe prochtenie [Semiologist R. Bart and social myth: modern reading]. *Vestnik RĖA im. G.V. Plekhanova*. 5 (95). pp. 190–197. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/semiolog-r-bart-i-sotsialnyy-mif-sovremennoe-prochtenie> (Accessed: 18.12.2024).
6. Raineke, Iu.S. (2002) *Istoricheskij roman postmodernizma i traditsii zhanra (Velikobritaniya, Germaniya, Avstriya)* [Postmodern historical novel and genre traditions (Great Britain, Germany, Austria)]. Philology Cand. Diss. Moscow.
7. De Groot, J. (2010) *The Historical Novel. The new critical Idiom*. London: Routledge.
8. Brown, M. (2017) Students take Hilary Mantel's Tudor novels as fact. *The Guardian*. 31 May. [Online] Available from: <https://www.theguardian.com/books/2017/may/31/students-take-hilary-mantels-tudor-novels-as-fact-hay-festival> (Accessed: 15.11.2024).

9. BBC. (2024) The Reith Lectures. BBC. [Online] Available from: <https://www.bbc.co.uk/sounds/brand/b08vkm52> (Accessed: 17.10.2024).

10. Foreman, A. (2017) Historical fiction: Don't sneer, for some people it's keeping the past alive. *Financial Review*. 8 June. [Online] Available from: <https://www.afr.com/life-and-luxury/arts-and-culture/historical-fiction-dont-sneer-for-some-people-its-keeping-the-past-alive-20170605-gwkkwk> (Accessed: 16.11.2024).

11. Chadwick, E. (n.d.) Beyond the Dressing Up Box. *Living the History Blog*. [Online] Available from: <http://elizabethchadwick.com/blog/beyond-the-dressing-up-box-how-i-write-historical-fiction/> (Accessed: 16.11.2024).

12. Zhachemukova, B.M. & Beshukova, F.B. (2011) Khudozhestvennaya spetsifika zhanra istoricheskogo romana [Artistic specificity of the historical novel genre]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie*. 1. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennaya-spetsifika-zhanra-istoricheskogo-romana> (Accessed: 15.06.2024).

13. Wood, J. (2012) Invitation to a Beheading: The Thomas Cromwell Novels of Hilary Mantel. *New Yorker*. [Online] Available from: <https://secondat.blogspot.com/2012/05/> (Accessed: 15.11.2024).

14. Proskurnin, B.M. (2016) Istoricheskaya diligiya Khilari Mantel i "Pamiat' zhanra" [Hilary Mantel's historical dilogy and "genre memory"]. *Filologicheskij klass*. 2 (44). pp. 77–83.

15. Mantel, H. (2019) *Wolf Hall*. London: Fourth Estate.

16. Mantel, H. (2020) *The Mirror and the Light*. London: 4th Estate.

17. Mantel, H. (2021) *Zerkalo i svet* [The Mirror and the Light]. Translated from English. Moscow: Inostranka.

18. Smirnova, N.A. (2024) Tomas Kromvel' [Thomas Cromwell]. In: *Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya* [Great Russian Encyclopedia]. [Online] Available from: https://old.bigenc.ru/world_history/text/4595326 (Accessed: 20.11.2024).

19. Mantel, H. (2021) *Vul'fkhol* [Wolf Hall]. Translated from English. Saint Petersburg: Inostranka.

20. Yates, F. (1992) *The Art of Memory*. London: Random House.

Информация об авторе:

Назарова Р.Ш. – базовый докторант (PhD), кафедра лингвистики и английской литературы, Узбекский государственный университет мировых языков (Ташкент, Узбекистан). E-mail: ray11_91@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

R.Sh. Nazarova, basic PhD student, Uzbekistan State World Languages University (Tashkent, Uzbekistan). E-mail: ray11_91@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 22.11.2024;
одобрена после рецензирования 15.01.2025; принята к публикации 05.12.2025.*

*The article was submitted 22.11.2024;
approved after reviewing 15.01.2025; accepted for publication 05.12.2025.*